

Норо
г. Гомель,
Республика Беларусь

Творец облаков

На заре человечества в одной первобытной общине вместе росли и дружили с детства два парня. Одного звали Есэ, а второго – Ду. Есэ по приказу вождя рисовал на скалах важные события или места удачной охоты на зверей: где много добычи, где можно поклониться духам. Он был внимателен ко всему, наблюдал за соплеменниками во время охоты – именно в такие напряжённые моменты хорошо удавалось изображать на скалах зверей, охотников, поражающих колющими когтями лань, и их ликование...

Ду старался повторять то, что делает Есэ, но у него не получалось: рисунки выходили очень грубые и непонятные. Когда Есэ из щетины кабанов мастерил кисточки, растирал краски из песка, жиров, смолы, Ду только продолжал копировать, а в душе его росла зависть.

– Вот и на эту скалу нужно нанести рисунок, – сказал вождь, приближаясь с Есэ к каменному склону. Показал на скале ровные от природы поверхности. – На этой гладкой стороне будет наша метка, дабы

сопредельные племена видели границу. Пусть неукоснительно соблюдается ритуал поклонения духам, живущим в жерле вулкана...

Племя обитало в долине. Люди беззаботно собирали плоды и сочные корни, будто не вчера было нападение соседей, во время которого погибло много соплеменников. Есэ тогда чудом остался в живых. Ду дрался с азартом и проявил себя как отважный воин. Военное искусство давалось ему гораздо лучше. Жена Есэ с многочисленными детьми пряталась в катакомбах. Она следила, чтобы их не угнали в плен.

Во время боя были разбиты многие статуи, изваянные Есэ. Но кое-что при отступлении враги похитили.

– Нужно ножки сделать, чтобы эти статуи ходили и сами прятались! – восклицала жена Есэ, держа сына за руку.

«Этого только не хватало!» – недоумевая, думал Ду.

В тот же день, когда солнце сияло над головой и люди и звери искали тени, Ду подошёл к Есэ и хитро сказал:

– Тебе нужны камни твёрдых пород. Я знаю, где их искать.

– Я и сам собирался туда идти, – обрадовался Есэ.

Через некоторое время они поднялись к кратеру. Шаман предупреждал, что это – открытая пасть спящего подземного злого дракона, от дыхания которого поднимается белый пар. А внизу – тёмная дыра. Ду протянул руку и сказал, будто подумал вслух:

– Там можно найти зубы дракона.

С этими словами он сильным ударом столкнул Есэ вглубь. И ушёл восвояси.

Ночью он попытался завладеть женой друга. А утром стал убеждать соплеменников, повторяя многократно:

– Видимо, Есэ разорвали шакалы!

Есэ отлетел далеко от скал и угодил прямо в воду. Он потерял сознание, но вскоре очнулся. Вроде цел. Вода его вытолкнула. Он успел отдышаться. Плавая по поверхно-

сти, он всё глядел в огромный тёмный колодец и думал, как выбраться из этой прорвы. Но все попытки вскарабкаться по гладким скалам были напрасны. Есэ и впрямь почувствовал себя в пасти дракона. А на недостижимой высоте виднелся краешек неба. После тысяч отчаянных попыток он убедился, что не сможет вырваться отсюда. А сверху ничего не видно. В унынии он долго думал об этом.

Со временем Есэ потерял счёт дням и ночам, привык к такой жизни. Жаловаться некому. А вода тёплая, ласковая; водоросли очень сочны и вкусны; кругом – крохотные безвредные существа, привыкшие к его соседству.

Есэ круглые сутки размышлял. Гневной волной вскипала ненависть к Ду. С нежностью постоянно вспоминал жену и сына. Размышлял о людской жестокости и бессмысленности войн. Есэ неотступно смотрел на уходящие в бесконечность белые бесформенные клубы пара, лениво тянущиеся к небесам.

Однажды он попробовал как-то уплотнить его, придав определённую форму, – и что-то начало получаться. В течение многих лет учился придавать облачкам форму предметов, зверей и людей. Конечно, много раз делал и собственное изображение. Но люди всё равно не обращали на это внимания, хотя Есэ изобразил в облаках почти всю свою печальную историю.

Чаще всего творил облака огромные и величавые, внушавшие своим видом благость и покой...

Он открыл для себя многое. А главное, что именно труд – самое дорогое украшение вечности. А вместилище вечности – совесть! Может, именно для того, чтобы разобраться в этом, и суждено было ему очутиться в пасти дракона!

Небесный холст теперь непрерывно покрывался живыми картинами. Любой мог заметить, как тучи общаются меж собой, растворяясь в туманной массе.

Никто не знает, сколько жил Есэ в жерле вулкана. Но одно очевидно: из любви к людям он продолжал ваять бесчисленные вереницы облаков, которые до сих пор плавают по небу днём и ночью, непрестанно меняя облик и перевоплощаясь в причудливые мифические существа.

Они рассказывают свои истории: где были и куда плывут.

Рисунок на лаваше

Однажды в детстве я взял кусочек свежеспечённого лаваша и жжёными чёрными кусками нанёс на него рисунок. Получилось лицо девушки, которое мне очень понравилось. Мать всегда твердила: «Лаваш – святой хлеб». И я не хотел, чтобы меня за этим занятием застали родители. А на душе была радость: казалось, что та, чьё лицо было на лаваше, знает, что я её люблю.

Свежим лавашем не насытишься, но я всегда крутился возле тундира, намазывая домашний душистый сыр на свежие лепёшки. Наблюдал, как женщины-соседки пекли хлебцы на зиму. В хлебном иногда образовывалась целая горка из лаваша, покрытая чистым холстом. Иногда, прибегая во время перемены на обед, я рисовал очередной портрет и прятал его в самом низу лавашной горки в надежде как-нибудь его оттуда достать.

Годы прошли. Мать постарела и больше не пекла лаваш. В последний год её жизни я нарисовал на хосте картину «Так пекут лаваш».

...Перед смертью мать достала сухой кусочек лаваша и протянула мне: на нём детскими руками был выведен рисунок – портрет моей первой Любви!

